
М. Михайлова

ПРАВДА ИСЧЕЗЛА, РАСТВОРИЛАСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО

Попытаюсь ответить на предложенные вопросы по мере возможности кратко и с точки зрения филолога, т.е. учитывая то отражение, воспроизведение, которое получили события 1917 г. в культуре (с чем я знакома не понаслышке).

1. Первый вопрос, на мой взгляд, поставлен не совсем корректно. Или-или! Возможно ли так судить о происшедшем?

О том, что катастрофа назревала, свидетельствует практически вся литература и публицистика предреволюционного десятилетия. Но такое настроение назревало уже в годину Первой русской революции. «Что-нибудь да будет», – цедил сквозь зубы бунинский мужик со злыми глазами. И этого «чего-то» ожидали с нетерпением. Недаром Блок приветствовал гибель «Титаника». Это для него было сигналом, что есть СТИХИЯ! А прочитав рассказ Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского», поставил диагноз: «Катастрофа близка. Ужас при дверях». И эта катастрофа, подкрепленная разгулом стихийного негодования народа, даст о себе знать разгулом, гибелью и кровью. Отчаяние многих людей при виде того, что делается в России, достигало предела. Можно указать на книгу И. Родионова «Наше преступление», где даны примеры чудовищной жестокости русского народа, нравственного произвола, которого достиг русский человек, очумевший от нищеты и одурманенный водкой.

О многом говорят факты чудовищного разгильдяйства, безалаберности, воровства, распространенные по всей территории страны. Они ярко запечатлены в повести И. Бунина «Деревня». Приведу только несколько фраз из писем А. Блока, с ужасом взиравшего на Россию: «... в России жить трудно, холодно, мерзко», едва сохранился «угол великого русского искусства, один из случайно сохранившихся, каким-то чудом не заплыванных углов моей пакостной, грязной, тупой и кровавой родины»; «Единственное «утешение» – всеобщий ужас, который господствует везде, куда ни взглянешь. Все люди, жи-

Мария Викторовна Михайлова – доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, член Союза писателей Москвы (г. Москва).

вущие в России, ведут ее и себя к гибели. ... Все одинаково смрадно, грязно и душно – как всегда было в России: истории, искусства, событий, прочего, что создает единственный фундамент для всякой жизни, здесь почти нет. Неудивительно, что и жизни нет».

Такие страшные цитаты можно множить и множить. И это взгляд интеллигента, «независимого мыслящего интеллигента», от имени которого редакция просила обозреть происходящие события. Так вот для такого интеллигента произошедшее в октябре 1917 оказалось поистине ужасным, хотя и закономерным, и призываемым как необходимое «возмездие». Поэтому жертвенная обреченность чувствовалась в поведении многих литераторов. И вот то народопоклонство, вера в то, что революция – искупительная и очистительная сила, после которой из крови восстанет чистый преображенный мир. Вот яркое доказательство опасности религиозного сознания, «вываренного» в котле соловьевства, мыслящего апокалиптическими архетипами, во всем видящего промысел Божий и предзнаменование Страшного суда и Преображения, к чему была всегда склонна русская интеллигенция. И все это обернулось против нее. Вместо реальных действий – жертвенная отрешенность.

Но при этом в течение целого десятилетия после Октября восторг и упоение стихией питали русское искусство, сделав русский авангард одним из величайших прорывов в области культуры. Значительная часть интеллигенции питалась тем подъемом духа, который она испытывала и который она черпала у народа. Так что для обогащения мировой культуры было сделано необыкновенно много. Зато другая часть довольно рано отрезвела и начала провидеть все те ужасы и катаклизмы, которые ждали интеллигенцию – и не только ее – впереди. Для миллионов русских людей наступил кошмарный исход, которого практически не знала история. И это то ужасное, что разделило нацию. В итоге изгнали из страны тех, кого другая половина объявила «нечистыми». Так что и для интеллигенции революция обернулась двумя ликами... Но и народные массы сильно поределели во время Гражданской войны, продналога и продразверстки. Город выжил за счет уничтоженного практически крестьянства. Об этом с ужасающей обнаженностью написано в повести С. Семенова «Голод».

Тем не менее все же для народа не все оказалось так сумрачно. Начался удивительный энтузиастический подъем культуры. За какие-то 10 лет из практически поголовно неграмотной страны выросли люди, пусть и поверхностно, но приобщенные, если не ко всей культуре, то хотя бы к какой-то ее части. И отдельно хочу сказать о положении женщины, которой необыкновенно много дал Октябрь и социализм. Практически опять же впервые женщина смогла наконец быть счастливой и не будучи замужем, и не имея детей. Женщине стало позволено находить счастье не в семье, а в мире, пусть даже этот мир огра-

ничивался заводом, парткомом и пр. Исчезло то изгойство, которому подвергалась женщина, не сумевшая по-женски устроить свою судьбу. И это действительно сделало многих женщин счастливыми, показав, что счастье может быть заключено не только в качании колыбели и убожении мужа.

Вот поэтому, мне кажется, и нельзя дать однозначный ответ на то, какую роль сыграл Октябрь и последующие годы для России.

Это как нельзя сказать что-то однозначное о наполеоновском нашествии – да пожары, смерти, раненые, гибель тысяч. Но и рост самосознания, впервые увиденная крестьянами в шинелях Европа что-то изменила в их мозгах. А уж для дворян и подавно стало открытием невозможность крепостного права.. И это изменило все мышление аристократии XIX в. На пользу? Для меня, несомненно, да, хотя П. Струве доказывал, что отмена крепостного права была не лучшим выходом...

2. Второй вопрос намного сложнее, чем первый. Какие уроки надо извлечь? Конечно, хочется пойти по простому пути: просвещение, знание должны все объяснить, поставить все точки над *i*. Но почему-то такой ответ не удовлетворяет. Как-то очень заметно, что человек не хочет знать правды, а хочет питаться мифами, ибо так легче, устойчивее, понятнее. Скажу одно, мне кажется глубоко неверным ставить знак равенства между красным террором, имевшим место в 20-е годы, и репрессиями 30-х годов. При всем ужасе событий и последствий красного террора все-таки речь шла об удержании власти, доставшейся во многом случайно. Тем более что и «белый террор» не отличался гуманными методами. И иными способами просто невозможно было действовать, ибо уповали на то, что все изменится после овладения этой властью. И хорошим подспорьем этим проявлениям жестокости служила идеология: буржуй должен был быть уничтожен пролетарием, потому что он эксплуататор и бездельник. И в этом была относительная правда, хотя в разряд «буржуев» попадали и те, кто совсем к ним не был причастен. О проявлении зверств с обеих сторон есть поразительный текст – роман очевидца событий, писателя Е. Чирикова «Зверь из бездны», где написано, как вседозволенность и безнаказанность разъедают и калечат душу человека, не давая надежды на переделку ее впоследствии. Это была примитивная сермяжная правда, за которую писатель подвергся остракизму со стороны как Советской России, так и в эмигрантской среде.

Но 30-е годы спутали все карты. Пролетарская идеология стала только прикрытием всеобщей лжи. И наступила эра поголовной фальши. Фальшь, лицемерие, ложь стали составлять основу государственной политики. Дутые стахановцы, выдуманные «враги народа», вымышленные «вредители» – оказались удобным прикрытием действительно серьезных проблем. И как итог – «гениальное решение» сделать из них лагерных рабов, созидających великую индустриальную

державу. И это принесло, может быть, большие бедствия для народа, чем откровенный террор. Человек начал привыкать извлекать выгоду из доноса, из смерти ближнего, из попрания элементарной человечности. Предательство, уничтожение людей без какого-либо «отбора» стало разъедать душу. И это оказалось невосстановимо. И действует по сей день. Вот самый грустный урок советского времени.

И как это выправить – не знаю. Может, только схватка с фашизмом вернула черное и белое на свои места. Но это длилось только на протяжении войны. Сразу же после нее все вернулось на круги своя: калеки были загнаны на Валаам, началась травля «космополитов». И все пошло своим чередом. И как на дрожжах начали всходить самоупоеание, самоуверенность, неимоверное бахвальство, достигшее сегодня невероятных размеров.

3. Думаю, что ситуации 2017 и 1917 гг. предельно различны. Как и ситуация в мире в целом. Возникли совершенно другие способы воздействия на массовое сознание благодаря СМИ и Интернету. Человек начинает жить в выдуманной призрачной реальности, где ему можно внушить все! Смонтировать любую картинку на экране монитора и уверить, что это так и есть. Правда исчезла, растворилась окончательно. Способ обработки людей стал изощренным и целенаправленным: отсюда такое быстрое, удивляющее нас перерождение окружающих, разъяренность, оголтелость. Потому что пропаганда уверенно давит на те точки, которые наиболее восприимчивы у толпы как единого организма. Человеку толпы доставляет удовольствие почувствовать силу, вседозволенность. Вот почему невероятно быстро мы скатились к какому-то пещерному уровню восприятия цивилизации, чужих мнений, иных ментальностей. И интеллигенция как-то быстро распрощалась с фрондерством и начала упоенно обслуживать власть. Ее просто купившую (отдельные вскрики-писки почти не в счет!).

Но нечто подобное наблюдается и в мире: рост религиозного фанатизма перешел все границы, люди сладострастно лезут в петлю дикарства, которая кажется им как раз освобождающей их инстинкты и самость. То же самое можно сказать о росте национализма: презрение к другим, желание отъединиться даже во вред себе – вот что определяет сегодня действия людей. Такое невозможно было предвидеть. Этот зигзаг истории еще 20 лет назад невозможно было себе представить... Думается, что нельзя рассматривать ситуацию сегодняшней России изолированно. И как она ни брыкается, стремясь отъединиться от всего цивилизованного и демократического мира (в котором тоже все чаще наблюдаются издержки демократических процессов, и Трампа вряд ли можно назвать воплощением цивилизационного прогресса), она находится в том же глубоком кризисе, что и весь мир, только усугубляемом покорностью и неготовностью к демократии народа и склонностью правителей к авторитаризму и волюнтаризму.